

Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Отдельные вопросы имплементации норм законодательства Евразийского экономического союза в законодательство Российской Федерации. DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_81 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 81–106.

УДК 342.72.73

DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_81

Отдельные вопросы имплементации норм законодательства Евразийского экономического союза в законодательство Российской Федерации

Анатолий Тиханович Карасев

Уральский государственный юридический университет,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: a.t.karasev@mail.ru

Олег Александрович Кожевников

Уральский государственный юридический университет,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: Jktu1976@yandex.ru

Вероника Александровна Мещерягина

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: metssheryagina@yandex.ru

*Поступила в редакцию 08.02.2021, поступила после рецензирования 18.05.2021,
принята к публикации 06.09.2021*

© Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А., 2021

Авторами статьи выстроен правовой механизм имплементации международных норм Евразийского экономического союза (далее также – ЕАЭС) во внутринациональное законодательство России путем применения двух основных ее форм: трансформации – включения международных норм в национальное законодательство в измененном виде; инкорпорации – точного текстуального воспроизведения международных норм в национальном законодательстве. В ходе исследования установлено, что регулярность имплементации норм ЕАЭС различна: трансформация норм ЕАЭС применяется реже, чем инкорпорация. Как правило, инкорпорация применяется в случае, когда международные нормы устанавливают общие правила, в рамках которых государства-участники адаптируют обязательства к своим правовым системам. Проанализировав существующую правоприменительную практику, авторы приходят к выводу о том, что трансформация норм ЕАЭС в России реализуется в форме подзаконных нормативных правовых актов – актов Правительства РФ или приказов различных министерств и ведомств. Однако не следует отождествлять трансформацию с ратификацией. Характеризуя механизм имплементации норм ЕАЭС (которую можно отождествлять с процедурой рецепции) во внутринациональное законодательство, авторы выявили его юридическую неопределенность в России. Процедура генеральной рецепции в РФ не в полной мере определена, поскольку существующая конституционная модель внедрения в систему российского законодательства международных норм предоставляет различные варианты имплементации в зависимости от меняющейся геополитической, экономической ситуации в России и ее регионах. В этой связи в правоприменительной практике наблюдается «индивидуализация» процедур имплементации для каждого конкретного случая. Она может сильно различаться и по форме, и по механизму. Решающая роль в выборе формы имплементации на сегодняшний день отводится высшим судам Российской Федерации.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, национальное законодательство, ЕАЭС, правовая интеграция, имплементация международных норм, ратификация, международное право

Some Issues of the Implementation of Legislation of the Eurasian Economic Union in National Legislation of the Russian Federation in the Field of Economic Relations

Anatoly T. Karasev

Ural State Law University,
Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: a.t.karasev@mail.ru

Oleg A. Kozhevnikov

Ural State Law University,
Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: jktu1976@yandex.ru

Veronica A. Misuragina

Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: metssheryagina@yandex.ru

Received 08.02.2021, revised 18.05.2021, accepted 06.09.2021

Abstract. The article proposes a legal mechanism for the implementation of the international norms of the Eurasian Economic Union (EAEU) into the domestic legislation of Russia by applying two main forms: transformation (including international norms in national legislation in amended form) and incorporation (exact textual reproduction of international norms in national legislation). The study has revealed that the regularity of the implementation of EAEU norms is different: transformation of EAEU norms is applied less frequently than incorporation. Typically, incorporation is applied when international norms establish general rules, within which states adapt obligations to their legal systems. After analyzing the existing law-enforcement practice, the authors come to the conclusion that the transformation of the EAEU norms in Russia is implemented in the form of subordinate normative legal acts – acts of the Government of the Russian Federation or orders of ministries and departments. However, transformation is different from ratification. Describing the mechanism for the implementation of the EAEU norms (which is similar to the reception procedure) into domestic legislation, the authors identified its legal uncertainty in Russia. The procedure for general reception in the Russian Federation is not fully defined, since the existing constitutional model for introducing international norms into the system of Russian legislation provides various options for implementation depending on the changing geopolitical and economic situation in Russia and its regions. In this regard, there is an “individualization” of the implementation procedures for each specific case in law-enforcement practice. It can vary greatly both in form and in mechanism. The highest courts of the Russian Federation have a decisive role in choosing the form of implementation today.

Keywords: Eurasian Economic Union; national legislation; EAEU; legal integration; implementation of international norms; ratification; international law

For citation: Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Misuragina V.A. Some Issues of the Implementation of Legislation of the Eurasian Economic Union in National Legislation of the Russian Federation in the Field of Economic Relations, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 81-106. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_81.

Введение. В сложившейся в мире экономической ситуации, в условиях на развивающейся в отношении РФ политики расширения экономических санкций и все еще действенной угрозы распространения новых штаммов коронавирусной инфекции экономическая интеграция на евразийском пространстве представляет собой вполне логичный и закономерный процесс. Так, в 2019 г. взаимный товарооборот государств, входящих в ЕАЭС, вырос по сравнению с 2015 г. на 35% и составил 61,6 млрд долл., наметились тенденции к увеличению доли стран ЕАЭС во внешней торговле России – с 7,8% в 2015 г. до 8,6% в 2020-м (Лару, Портякова 2021).

По статистическим данным за январь – февраль 2021 г. объем товарооборота между государствами – членами ЕАЭС составил 9 млрд долл. США,

или 106,8% к уровню января – февраля 2020 г. (Евразийская экономическая комиссия, 2021).

Данные цифры наглядно свидетельствуют о том, что объединенные общими экономическими интересами и задачами государства, входящие в ЕАЭС, становятся более успешными в рамках вызовов мировой экономики, получая реальные конкурентные преимущества от деятельности ЕАЭС как одной из международных экономических площадок, созданной для формирования единого экономического пространства группы государств на основании следующих принципов: единства таможенной территории, свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведения скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

Экономические процессы евразийской интеграции хотя и имеют приоритетный характер, но, очевидно, не могут рассматриваться в отрыве от правовых (юридических) составляющих интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Договор о ЕАЭС (Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014) определил базовые источники, образующие право ЕАЭС, куда входят международные договоры, заключенные в рамках ЕАЭС, а также заключенные ЕАЭС договоры с третьей стороной. Помимо договоров, в право ЕАЭС входят решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий (ч. 1 ст. 6).

В Договоре о ЕАЭС, вступившем в силу для Российской Федерации с 1 января 2015 г., особо закреплено, что задачей гармонизации законодательства государств-членов является установление сходных (сопоставимых) правил правового регулирования общего финансового рынка при условии, что сохраняющиеся различия не будут препятствовать его эффективному функционированию.

Схожая правовая модель унификации законодательства была предусмотрена также и в предшествующем Договору о ЕАЭС Договоре об учреждении Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС) (Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, 2000), согласно ст. 7 которого сближение правовых систем стран – участниц ЕврАзЭС осуществляется посредством принятия Межпарламентской Ассамблеей основополагающих нормативных правовых актов Сообщества, в том числе основ законодательства в базовых отраслях законодательства, устанавливающих единые для всех государств-членов начала правового регулирования соответствующих сфер общественных отношений (Бублик и др. 2020).

С этой целью государствами – членами ЕврАзЭС были разработаны Концепция основ законодательства ЕврАзЭС об инвестициях и Концепция основ таможенного законодательства ЕврАзЭС.

Нельзя не отметить, что в одном из своих актов Суд ЕАЭС назвал право ЕАЭС наднациональным интеграционным правом (Решение Коллегии Суда ЕАЭС № СЕ-1-2/1-16-КС, 2016), однако указанная роль не только не препятствует, а, наоборот, способствует имплементации норм правовых актов ЕАЭС в национальные законодательства стран – участниц данной международной организации.

Непоследовательность права ЕАЭС выражается в том, что в его источниках содержатся как нормы, которые полностью и императивно поддерживают интеграцию, так и нормы, которые оставляют возможность для государств не исполнять отдельные акты и затягивать процессы интеграции (Васякина 2020).

В контексте заявленной проблематики особый научный интерес представляют нормы ЕАЭС, которые согласно преамбуле Договора о ЕАЭС не должны противоречить ряду принципов, имеющих универсальный характер и закрепленных в том числе и в ч. 1 ст. 2 Устава ООН (Устав Организации Объединенных Наций, 1945). Это такие принципы, как суверенное равенство государств, верховенство конституционных прав и свобод человека и гражданина, единство таможенной территории, свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики.

На первый взгляд, приведенные принципы содержат в себе некое диалектическое противоречие: с одной стороны, любое государство с помощью правовых средств должно стремиться соблюдать баланс взаимной экономической интеграции, с другой стороны, такая интеграция не должна наносить ущерб независимости и самостоятельности государства-участника как в решении внутригосударственных вопросов, так и в международных отношениях.

Для минимизации вышеупомянутых противоречий существует правовой институт имплементации международных норм, который в самом общем виде представляет собой исполнение государством международно-правовых норм путем их включения в национальную правовую систему, фактическую реализацию международных обязательств на внутригосударственном уровне (Тихомиров 2006: 3).

Однако, если мы обратим взор на имплементацию норм ЕАЭС, все видится несколько сложнее, поскольку речь идет не столько о нормах международного права, сколько об имплементации норм самостоятельной правовой системы стран Союза, которая отличается как от международно-правовой системы, так и от систем государств – членов ЕАЭС.

Указанное различие обусловлено тем, что «классические» международные организации построены на принципах суверенного равенства членов, они не формируют органы публичной власти, которые правомочны распространять данную власть на частные субъекты, не устанавливают иерархию норм права в рамках организации, не регулируют порядок приведения норм внутринационального права в соответствие с нормами, формируемыми международной организацией. В части же ЕАЭС договор о его создании предусматривает формирование в рамках единого экономического пространства в пределах территорий стран-участниц сходных механизмов регулирования экономики на основании гармонизированных или унифицированных правовых норм, создание наднациональных судебных и правотворческих органов. Указанная особенность и предопределила цель настоящего исследования – изучение специфики имплементации норм международных договоров ЕАЭС, заключенных как в рамках Союза,

так и с третьими странами, во внутринациональное законодательство Российской Федерации.

Материалы и методы

Помимо субъектного состава, территориальной сферы деятельности, право ЕАЭС, как разновидность международного права (комплекса юридических норм, создаваемых государствами и межгосударственными организациями в целях регулирования отношений между странами – участниками ЕАЭС и иными субъектами международного права), имеет ряд фундаментальных отличий от внутринационального права отдельных государств. Данные отличия имеют важное методологическое значение для процесса исследования особенностей применения и имплементации норм права ЕАЭС на территории Российской Федерации.

Отличия национального и международного права (по: Барциц 2001):

1. Метод правового регулирования:

- национальное право базируется на властных решениях органов государства;
- международное право представляет собой договорные нормы как результат согласования интересов различных государств;

2. Предмет правового регулирования:

- национальное право ограничивается отношениями, входящими в юрисдикцию государства;
- международное право регулирует, как правило, исключительно межгосударственные отношения;

3. Порядок создания:

- национальное право представляет собой одностороннее волеизъявление государства в виде актов, издаваемых уполномоченными органами и должностными лицами;
- международное право выражает согласованную волю государств и иных субъектов международного права;

4. Способы обеспечения и реализации:

- национальное право – меры государственного принуждения, пресечения, поощрения и т.д.;
- международное право – специальные международные механизмы, такие как компенсация, реституция, субституция и т.д.

Столь значимые отличия предопределили существование в международном праве двух классических теорий: дуалистической и мистической. Дуалистическая теория соотношения системы международного и внутринационального права предполагает их обособленность и независимость друг от друга, монистическая теория предполагает единство двух систем с преобладанием одной из них (ее современные ответвления: теории примата внутригосударственного права, теории примата международного права). Учитывая теоретические постулаты, разработана методологическая база исследования вопроса имплементации норм международного права ЕАЭС к системе внутринационального законодательства Российской Федерации.

Соответственно, для достижения поставленной цели необходимо использовать как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, дедукция и индукция, абстрагирование, структурно-функциональный, системный, статистический, формально-логический методы и др.), так и специальные методы юриспруденции (метод юридического конструирования, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, метод технико-юридического анализа и др.).

Приведенная методологическая база позволит аккумулировать существующие научные подходы к определению термина «имплементация», вычленив формы имплементации, механизм ее реализации. На основании формально-юридического метода авторы статьи проанализируют составляющие эмпирическую базу международные нормы, содержащиеся в актах органов ЕАЭС (международные договоры, заключаемые в рамках ЕАЭС; решения Межгосударственного совета ЕАЭС; решения Интеграционного комитета; решения Парламентской ассамблеи ЕАЭС; решения Комиссии ЕАЭС), и практику международных судебных органов и судов Российской Федерации.

Определение термина «имплементация» в международном публичном праве, механизм и формы имплементации

Характеризуя содержание термина «имплементация», стоит учитывать, что как в научной литературе, так и в нормативных правовых актах (российских и международных) отсутствует его общепринятое определение.

Обращаясь к этимологии, отметим, что слово «имплементация» (от *англ.* implementation) в буквальном переводе означает «обеспечение практического результата и фактической реализации посредством конкретных форм» (Dictionary of English Language, 1968; перевод наш. – А.К., О.К., В.М.).

Широта термина «имплементация» привела к тому, что в научной литературе его определение дается через схожие понятия: *отсылка; рецепция; унификация; преобразование; трансформация; создание специального правового режима; отмена внутригосударственных актов, противоречащих международным обязательствам* и др. Названные подходы до настоящего времени являются дискуссионными и, безусловно, отражают сложность понимания процедуры имплементации международных актов. Например, ряд ученых рассматривают имплементацию международных норм в качестве способа их приведения в действие, при этом в качестве форм имплементации выделяя трансформацию, отсылку, инкорпорацию (Мингазов 1990 и др.).

Встречаются и иные подходы. Так, Е.Т. Усенко в качестве разновидностей трансформации рассматривает генеральную рецепцию (установление государством в своем внутреннем праве общей нормы, придающей международно-правовым нормам силу внутригосударственного действия) и специальную рецепцию (придание государством конкретным нормам международного права силы внутригосударственного действия путем воспроизведения их в законе текстуально либо в виде положений, адаптированных к национальному праву, или путем законодательного выражения согласия на их применение иным способом) (Усенко 2008: 13).

В монографии А.Ф. Черданцева «Теория государства и права» рецепция определяется шире трансформации (включает в себя и трансформацию, и имплементацию) (Черданцев 2000). Еще более спорной видится позиция В.В. Милинчука, который определяет имплементацию как процесс трансформации международных инструментов в национальное законодательство или политику (Милинчук 2005: 41).

Авторы настоящей статьи полагают, что генеральная и специальная рецепции представляют собой не форму имплементации, а скорее ее механизм: то, каким образом нормы международного права будут адаптироваться к внутринациональному законодательству, каковы границы влияния международного права, какими конкретными актами в государстве устанавливается легитимность и легальность норм международного права.

Можно и далее приводить примеры неоднозначности подхода к содержанию правового института имплементации, однако уже указанные мнения известных ученых свидетельствуют об отсутствии единства в этом вопросе.

Не претендуя на окончательность выводов, тем не менее, полагаем возможным обозначить в настоящем исследовании свою точку зрения о том, что в качестве форм имплементации следует выделять трансформацию и инкорпорацию, которые отличаются между собой степенью изменения формулировки международной нормы во внутринациональном законодательстве, то есть (в случае трансформации) степенью использования оговорки и (в случае инкорпорации) отсылки.

Теория трансформации базируется на тезисе о необходимости придания юридической силы норме международного права исключительно посредством издания внутригосударственного правового акта. При этом норма международного права не теряет своей самостоятельности, а функционирует скорее как норма-принцип и может применяться даже посредством прямой отсылки к международному договору (если это предусмотрено механизмом имплементации – генеральной или специальной рецепцией).

Схожей позиции придерживается Е.Т. Усенко, вводящий в научный оборот категории общей и специальной трансформации. Указанный автор считает, что в зависимости от юридической силы внутринационального акта, которым происходит текстуальное изменение и внедрение международной нормы во внутринациональное законодательство, можно выявить уровень трансформации. При генеральной трансформации для решения вопроса о порядке внедрения международного права во внутригосударственное создается общая конституционная норма, своего рода правовая основа для более тесного взаимодействия двух систем права и одновременно для оказания влияния международного права на национальное. Специальная трансформация заключается в придании государством конкретным нормам международного права силы внутригосударственного действия путем их текстуального воспроизведения в национальном законе либо включения в него положений, адаптированных к национальному праву, либо путем законодательного выражения согласия на их применение иным способом (Усенко 2008).

В отличие от трансформации инкорпорация осуществляется посредством принятия особого внутригосударственного акта либо обеспечения прямого непосредственного действия положений международного договора в национальнoй системе права (Латышев 2019: 126).

Представляется также, что формы имплементации находятся в прямой зависимости от конечной цели ее применения. Так, например, в п. 2.4 Распоряжения Евразийского межправительственного совета от 10.04.2020 г. № 6 «О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19» в качестве цели предложенных мер указывается на необходимость ускорения торговых переговоров ЕАЭС с третьими странами по соглашениям о свободной торговле и их последующей имплементации (Распоряжение... № 6, 2020).

Другой пример. В Решении Высшего Евразийского экономического совета «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» (Решение Высшего Евразийского экономического совета № 20, 2019) термин «имплементация» употребляется в контексте процесса формирования общего финансового рынка и в частности при определении согласованных подходов к осуществлению деятельности по предоставлению финансовых услуг без дополнительного учреждения (лицензирования) в качестве юридического лица, имплементация которых будет осуществляться по мере углубления финансовой интеграции и перехода к более продвинутым стадиям формирования общего финансового рынка. При этом в качестве цели имплементации указывается гармонизация законодательства, которая еще не получила широкого распространения в рамках международного права. Вместе с тем термины «гармонизация законодательства» и «имплементация» методологически следует рассматривать как цель и процесс.

Достижение цели гармонизации законодательства происходит в несколько этапов. Первый этап механизма имплементации – нормотворческая деятельность государства, направленная на конкретизацию в международных соглашениях исходных норм; второй этап – определение концепции имплементации во внутринациональное законодательство (генеральная или специальная рецепция) в конституционных нормах или нормах законодательства; третий этап – деятельность государства по конкретизации положений международных норм во внутринациональное законодательство (трансформация и инкорпорация). Итоговой целью изложенного авторами юридического механизма выступает повышение уровня гармонизации законодательства стран – участниц ЕАЭС.

В результате изучения теоретической базы и особенностей включения норм международного права ЕАЭС во внутринациональное законодательство авторы статьи приходят к выводу о том, что имплементация – это совокупность юридических форм и методов адаптации международной нормы к внутринациональному законодательству.

В рамках настоящей статьи рассматриваются две основные формы имплементации: трансформация – включение международных норм

в национальное законодательство в измененном виде, а также инкорпорация – точное текстуальное воспроизведение международных норм в национальном законодательстве.

Помимо этого, будет выстроен механизм имплементации международных норм ЕАЭС во внутринациональное законодательство России: рецепция (генеральная и специальная) – признание прямого и непосредственного действия норм международного права в каждом конкретном государстве.

Рецепция международных норм ЕАЭС в правовую систему Российской Федерации

Характеризуя механизм имплементации норм международного права, И.И. Лукашук отмечал: «...осуществление международно-правовых норм является, как правило, гораздо более сложной и ответственной задачей, чем их принятие. Разрешение этой задачи возможно лишь при наличии оптимального механизма имплементации как определенной совокупности правовых и организационных средств, используемых субъектами международного права на международном и национальном уровнях с целью воплощения предписаний норм международного права» (Лукашук 2005).

Как было указано ранее, рецепция международных норм представляет собой законодательно установленный механизм имплементации международных норм, выражающийся в определении способа, форм и границ адаптации международных норм во внутринациональной правовой системе.

Рассматривая рецепцию международных норм ЕАЭС в правовую систему Российской Федерации следует отметить наличие генеральной рецепции – использования национальным правом норм международного права путем общей конституционной нормы и более тесного взаимодействия двух систем права и одновременно для оказания влияния международного права на национальное право.

Применяется в Российской Федерации и специальная рецепция, которая выражается в наличии механизма имплементации международных норм, изложенных поэтапно в законодательных актах (помимо конституционных норм), при этом чаще всего специальная рецепция именуется ратификацией.

Законодательная процедура специальной рецепции закреплена в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» (Федеральный закон № 101, 1995), в п. 3 ст. 5 которого указано, что в случаях, когда положения официально опубликованных договоров Российской Федерации не требуют издания внутригосударственных актов, они действуют непосредственно. В противном случае принимаются соответствующие правовые акты. Данная норма является бланкетной к ст. 14 указанного закона и регламентирует ратификацию международного договора исключительно в форме федерального закона.

Механизм специальной рецепции:

– согласие Российской Федерации на обязательность для нее международного договора;

- подписание международного договора;
- обмен документами, образующими договор;
- ратификация;
- утверждение;
- принятие;
- присоединение;
- иные способы выражения согласия по договоренности сторон.

Несмотря на внешнюю императивность ст. 14 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», не исключается наличие специфичных форм имплементации (Федеральный закон № 101, 1995: ст. 14). В качестве примера можно привести норму ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, допускающую применение смертной казни как высшей меры наказания вплоть до ее отмены (Конституция Российской Федерации, 1993). Названная норма стала серьезной проблемой при имплементации Россией норм Протокола № 6 (Конвенция о защите прав и основных свобод человека, 1950).

Поскольку вступление России в Совет Европы происходило в сжатые сроки, вносить поправки в главу вторую Конституции РФ (путем принятия новой Конституции) было затруднительно. Альтернативой приведения национального законодательства в соответствие с международными нормами стало принятие Федерального закона «О присоединении России к Уставу Совета Европы» (Федеральный закон № 19-ФЗ, 1996), утвердившего ускоренную судебную реформу в России.

Во исполнение этого решения были приняты Указ Президента РФ от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 г. № 3-П и Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р, не допускающие применения смертной казни до тех пор, пока во всех субъектах России не будут функционировать суды присяжных (Постановление КС РФ № 3-П, 1999; Определение КС РФ № 1344-О-Р, 2009).

Показательно, что даже когда в последнем из субъектов Российской Федерации – Чеченской Республике соответствующие суды были законодательно внедрены, было принято еще одно Определение КС РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р, которым по сути мораторий на смертную казнь был продлен на неопределенный срок.

Возвращаясь к имплементации норм ЕАЭС в российское законодательство, необходимо констатировать тот факт, что из всех государств – членов ЕАЭС только Российская Федерация закрепила генеральную рецепцию международных норм в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ (Конституция Российской Федерации, 1993), установив возможность не просто участвовать в межгосударственных объединениях, но и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя России.

Помимо этого, генеральная рецепция, исходя из юридической силы актов, устанавливает и пределы влияния международных норм

на внутринациональное законодательство: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

На протяжении длительного времени данная формулировка вызывала острые дискуссии о приоритете международного права над Конституцией РФ и наоборот. По нашему мнению, ставить вопрос под таким углом методологически неверно, поскольку с позиции рецепции международных норм конституционные нормы закрепляют механизм адаптации и применения международной нормы, не ставя ультиматума о верховенстве международных договоров или внутринациональных актов. Думается, что именно об этом свойстве имплементации Ж.И. Овсепян писала следующее: «... «приоритет применения», а не «более высокая юридическая сила» – является более приемлемой с позиции требований принципа государственного суверенитета и одновременно уважения требований Венской конвенции о праве международных договоров» (Овсепян 2015: 77).

Важную роль в применении на территории РФ генеральной рецепции играет Конституционный Суд РФ, который обладает исключительным правомочием толкования норм Конституции РФ. Так, например, в Постановлении КС РФ от 14.07.2015 г. № 21-П высший орган конституционного контроля отметил, что, как следует из ч. 1 ст. 4, ч. 1 ст. 15 и 79 Конституции РФ, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя России и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека (далее также – ЕСПЧ), содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ (Постановление КС РФ № 21-П, 2015).

В развитие указанной правовой позиции КС РФ принял целый ряд решений, позволивших утверждать о формировании в правовой системе России механизма отказа от прямого исполнения решения ЕСПЧ, если оно вступает в противоречие с Конституцией РФ. Хронологически к ним можно отнести постановления КС РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П («дело Маркина»); от 14 июля 2015 г. № 21-П; от 19 января 2017 г. № 1-П («дело ЮКОСа») и др.

Если обобщить правовые позиции КС РФ, изложенные в данных постановлениях, то международные договоры (Конвенция о защите прав человека и основных свобод, основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ,

содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений) не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ.

При этом КС РФ отмечает, что постановление ЕСПЧ не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разошелся с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Кроме того, КС РФ разъяснил, что государство вправе блокировать действие в отношении него отдельных положений международного договора, ссылаясь на то обстоятельство, что согласие на обязательность для него данного договора было выражено им в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и касалось нормы внутреннего права особо важного значения (в первую очередь положений глав 1 и 2 Конституции РФ, изменения которых блокируются усложненной формой внесения в них поправок).

Тенденции к ужесточению процедуры имплементации норм международных судов в сфере экономических отношений прослеживаются и в Определении Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 г. № 2867-О-Р, в котором Суд интерпретировал сформулированные им в Постановлении от 27.03.2012 г. № 8-П правовые позиции (Определение КС РФ № 2867-О-Р, 2020). Правовая неопределенность возникла в вопросе о допустимости временного применения международного договора РФ, затрагивающего права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающего при этом иные правила, чем предусмотренные законом, без его официального опубликования.

КС РФ пересмотрел эти положения для иностранных инвесторов, указав на особые правила рассмотрения дел с их участием, которые должны разрешаться исключительно федеральным законодателем и применительно к условиям международных договоров РФ подтверждаться ратификацией в совокупности п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» и ст. 10 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».

В результате КС РФ выстроил жесткую позицию о том, что не допускается применение международного договора, предмет которого затрагивает компетенцию международного арбитража государства с иностранными инвесторами, если деятельность последних осуществлялась на территории России и если международный договор не был официально ратифицирован в форме федерального закона.

Более того, даже в случае согласия Правительства РФ (и, соответственно, издания им подзаконных актов) на временное применение международного

договора Российской Федерации, оговоренное при его подписании, на рассмотрение международного арбитража, недопустимо.

Острых столкновений между КС РФ и Судом ЕАЭС до настоящего времени не наблюдалось, однако предпосылки к возникновению конфликта между толкованием норм ЕАЭС и последующим исполнением Решения Суда ЕАЭС на территории РФ в истории уже были. Примером может служить дело об оспаривании п. 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза (далее также – Порядок), утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 г. № 728 (Решение Суда ЕврАзЭС, 2013). В Евразийскую экономическую комиссию с заявлением об оспаривании п. 4 вышеуказанного Порядка обратилось российское ООО «СеверАвтоПрокат», после чего для урегулирования спора было принято решение направить дело в Суд ЕврАзЭС (преемником которого является Суд ЕАЭС).

Оспаривая Решение Комиссии Таможенного союза ООО «СеверАвтоПрокат», ссылаясь на особенности обратной силы закона, в следствие которой определенные 6 июля 2010 г. условия предоставления и использования тарифных льгот на территории Таможенного союза (далее также – ТС) более не должны входить в компетенцию Комиссии Таможенного союза. С указанной даты такой вопрос, по мнению заявителя, мог быть решен только путем заключения отдельного международного договора или посредством прямого урегулирования в соответствующей норме Таможенного кодекса Таможенного союза (далее также – ТК ТС).

В своем решении Суд ЕврАзЭС указал, что вследствие специфики источников международного права одинаковой юридической силой обладают как договорные правовые нормы, так и акты международных наднациональных организаций

Суд ЕврАзЭС также указал, что принцип неприменения закону обратной силы не означает, что возникшие в прошлом правовые отношения остаются неизменными в течение всего последующего периода, а значит, после вступления в силу Решения от 15.11.2015 г. № 728 таможенный контроль в отношении вновь условно выпущенных товаров осуществляется с учетом требований, установленных п. 4 Порядка уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза.

Очевидно, что правовая неопределенность касается даже не столько определения обратной силы закона, сколько различных подходов по предоставлению льгот во внутринациональном законодательстве государств – членов ЕврАзЭС.

Рассмотрев дело по заявлению ООО «СеверАвтоПрокат», Суд ЕврАзЭС установил приоритет норм международного права, указав, что порядок ограничения по пользованию и распоряжению товарами (в отношении которых предоставлена льгота) является единым для всех хозяйствующих субъектов, осуществляющих экономическую деятельность на территории ТС, чем обеспечивается единообразное правовое регулирование (принцип единого тарифного регулирования).

Однако КС РФ занял противоположную позицию, указав на то, что Порядок уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза принят в полном соответствии с положениями ТК ТС и констатировал исключительную компетенцию Суда ЕврАзЭС по рассмотрению дел о соответствии актов органов ТС международным договорам, составляющим договорно-правовую базу ТС. Конституционный суд отметил, что по смыслу Конституции РФ общим для всех отраслей права правилом является принцип, согласно которому в правовом государстве закон, ухудшающий положение граждан (соответственно, и юридических лиц как особых объединений, созданных для реализации конституционных прав и свобод граждан), обратной силы не имеет; прямые запреты, касающиеся придания закону обратной силы, сформулированные в ст. 57 Конституции РФ, служат гарантией защиты прав как налогоплательщиков, так и плательщиков иных обязательных по закону публичных платежей в бюджет. Любые публичные платежи в бюджет, представляющие собой, по сути, фискальные сборы, не должны выводиться из сферы действия ст. 57 Конституции РФ (закрепляющей условия надлежащего установления налогов и сборов), которая приобретает тем самым универсальный характер (Определение КС РФ № 417-О, 2015).

Иное, фактически означая непредсказуемый отказ Российской Федерации от публично-правовых обязательств, принятых на себя при предоставлении таможенных льгот в отношении отдельных категорий товаров, приводило бы к недопустимому с точки зрения конституционного принципа правового государства игнорированию правомерных ожиданий субъектов соответствующих экономических (инвестиционных, таможенных) правоотношений и не отвечало бы конституционно значимым целям обеспечения единства экономического пространства, устойчивого роста деловой активности, поддержки добросовестной конкуренции и взаимовыгодного инвестиционного сотрудничества (ч. 1 ст. 8; ч. 2 ст. 34 Конституции РФ).

Таким образом, КС РФ не согласился с правовыми позициями Коллегии Суда ЕврАзЭС о необходимости идентичных подходов в регулировании льгот, отдав приоритет нормам Конституции РФ, которая, гарантируя права и свободы человека и гражданина, предполагает наличие льгот для бизнеса и недопустимость ухудшения положения хозяйствующих субъектов России под давлением норм международного права.

Трансформация как форма имплементации норм ЕАЭС

Трансформация не может носить произвольный характер, ввиду признания норм международного права составной частью правовой системы Российской Федерации. На наш взгляд, предмет трансформации международных норм раскрыт в ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (Федеральный закон № 101, 1995):

- изменение действующих или принятие новых федеральных законов, устанавливающих иные правила, чем предусмотренные законом;
- основные права и свободы человека и гражданина;

• территориальное разграничение Российской Федерации с другими государствами, включая договоры о прохождении государственной границы Российской Федерации, а также о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации;

- межгосударственные отношения;
- вопросы, затрагивающие обороноспособность России;
- разоружение или международный контроль над вооружениями;
- обеспечение международного мира и безопасности;
- участие Российской Федерации в межгосударственных союзах, международных организациях и иных межгосударственных объединениях, если такие договоры предусматривают передачу им осуществления части полномочий Российской Федерации или устанавливают юридическую обязательность решений их органов для Российской Федерации.

Для трансформации норм ЕАЭС в российское законодательство чаще всего применяется форма подзаконного нормативного правового акта – постановлений Правительства РФ и приказов различных министерств и ведомств. Например, с целью реализации Распоряжения Евразийского межправительственного совета от 10.04.2020 г. № 6 Приказом Минздрава России от 23.12.2020 г. № 1302н введены единые временные ограничения на экспорт критически важных товаров в третьи страны до 30 июня 2021 г., подтверждено целевое назначение продукции, ввозимой на территорию РФ для предупреждения и предотвращения распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Другой пример: в соответствии с решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 18 августа 2020 г. № 102 в отношении мяса крупного рогатого скота, свежего или охлажденного (коды 0201 10 000 1, 0201 20 200 1, 0201 20 300 1, 0201 20 500 1, 0201 20 900 1, 0201 30 000 4 ТН ВЭД ЕАЭС) Постановлением Правительства РФ «О распределении объемов тарифных квот в отношении мяса крупного рогатого скота и мяса домашней птицы в 2021 году» установлено распределение объемов тарифных квот на 2021 год (Постановление Правительства РФ № 2142, 2020).

На 2019 год Решениями Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25.09.2018 г. № 155 и от 28.08.2018 г. № 141 установлены квоты в отношении ввозимых на территорию ЕАЭС товаров: риса длиннозерного, происходящего из Вьетнама, помещаемого под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления; мяса крупного рогатого скота и др. В последующем положения указанных решений учтены в актах Российской Федерации подзаконного уровня (Постановление Правительства РФ от 07.12.2018 г. № 495, Постановление Правительства РФ от 08.12.2018 г. № 1498, Постановление Правительства РФ от 14.12.2018 г. № 1524, Приказ Минэкономразвития России от 18.01.2019 г. № 11, Приказ Минэкономразвития России от 18.01.2019 г. № 9, Приказ Минэкономразвития России от 18.01.2019 г. № 10).

В целом из анализа Российского законодательства следует вывод, что форма трансформации норм ЕАЭС применяется не так регулярно, как инкорпорация, которую мы рассмотрим далее.

Инкорпорация как форма имплементации норм ЕАЭС

Инкорпорация применяется в том случае, когда международные нормы порождают конкретные правоотношения, устанавливают общие правила, в рамках которых государства-участники адаптируют обязательства к своим системам.

Так, наиболее ярким примером инкорпорации норм ЕАЭС является разработка закрепленного в Приложении № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (подписан в г. Москве 11.04.2017) типового Таможенного кодекса ЕАЭС, который стал общим законом, регулирующим отношения в сфере перемещения товаров, работ и услуг в странах – участницах ЕАЭС (Таможенный кодекс ЕАЭС).

Распространенными являются ситуации, при которых применяется прямая отсылка на нормы права ЕАЭС в юридических документах таможенных органов. Так, в Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 10 июля 2020 г. № 57 «О внесении изменений в Правила определения происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза (непреференциальные правила определения происхождения товаров)» (Решение Совета Евразийской экономической комиссии № 57, 2020) подробно регламентируются вопросы ставок НДС при экспорте товаров, в частности предусматривается применение нулевой ставки НДС, если в налоговый орган представлены подтверждающие документы (п. 1 ст. 72 Договора о ЕАЭС, Разд. III Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг (Приложение № 18 к Договору о ЕАЭС)).

При экспорте для подтверждения места реализации работ, услуг в налоговый орган необходимо представить комплект документов, перечисленных в Разд. IV Протокола о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг (Приложение № 18 к Договору о ЕАЭС).

Для полного или частичного освобождения от уплаты налога при ввозе товаров применяются нормы внутринационального и международного права: подп. 5 п. 1 ст. 151 Налогового кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. (далее – НК РФ) и ст. 223 Таможенного кодекса ЕАЭС в ред. от 29 мая 2019 г. (далее – ТК ЕАЭС) – когда товар помещен под процедуру временного ввоза; подп. 6 п. 1 ст. 151 НК РФ и ст. 186 ТК ЕАЭС – при вывозе продуктов переработки товаров, которые ранее вывозили в процедуре переработки вне таможенной территории.

В отдельных ситуациях страны-участницы идут на ограничение некоторых своих прав и на делегирование некоторых своих полномочий национальным органам ЕАЭС для интеграции экономических отношений посредством гармонизации внутреннего законодательства. Например, освобождение от ввозной таможенной пошлины гражданских пассажирских самолетов подсубпозиций 8802 40 003 5 и 8802 40 003 6 ТН ВЭД ЕАЭС, ввозимых по 31.12.2023 включительно на таможенную территорию ЕАЭС в целях их использования в пределах территории государства – члена ЕАЭС, в которое осуществляется ввоз этого товара, а также для перевозок между

территориями государств-членов и (или) для международных перевозок, устанавливается напрямую Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 02.12.2015 г. № 89 (Решение Совета Евразийской экономической комиссии № 89, 2015). Также налог следует оплатить, если товары ввезены в режиме реимпорта. В этом случае размер налога будет равен той сумме НДС, от которой налогоплательщик был освобожден при экспортировании этого товара, или той сумме, которая была возвращена ему в связи с экспортом (подп. 2 п. 1 ст. 151 НК РФ, пп. 3 п. 2 ст. 236 ТК ЕАЭС).

Важно отметить, что в инкорпорации норм ЕАЭС в российское законодательство участвуют не только нормотворческие, но и судебные органы. В качестве примера следует привести Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее – Судебная коллегия ВС РФ) от 21.05.2020 г. № 306-ЭС20-387 по делу № А06-2706/2019 по делу № А06-2706/2019 (Определение Судебной коллегии ВС РФ № 306-ЭС20-387, 2020). Рассматривалось дело об импорте в Российскую Федерацию товаров надлежащего качества. Заявитель (юридическое лицо) был не согласен с требованиями таможенных органов представить документы (сведения) о проведении дополнительного инспекционного контроля в отношении заявленной в декларации партии товара (портландцемента).

Изначально суды первой инстанции поддержали позицию заявителя, поскольку проведение инспекционного контроля – процедура рекомендательная, регулируется ГОСТ Р 56836-2016 «Оценка соответствия. Правила сертификации цемента», который не обладает всеми признаками нормативности.

Судебная коллегия ВС РФ в удовлетворении требований заявителя отказала, сославшись на нормы международного права (п. 1 ст. 53 Договора о ЕАЭС) и аргументировав отмену решения нижестоящих судов тем, что есть международные стандарты обеспечения безопасности продукции, выпускаемой на территории ЕАЭС (п. 1 ст. 53 Договора о ЕАЭС, взаимосвязанный с положениями п. 1 ст. 7, подп. 10 п. 1 ст. 2 и подп. 3 п. 1 ст. 135 ТК РФ). По логике Судебной коллегии ВС РФ товары перемещаются через таможенную границу ЕАЭС и помещаются под таможенные процедуры, в том числе под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, только при условии соблюдения в отношении перемещаемых товаров мер технического регулирования.

Анализируя право ЕАЭС, Судебная коллегия ВС РФ пришла к выводу о том, что безопасность выпускаемых на территории ЕАЭС товаров относится к сфере публичного интереса, поэтому должна быть урегулирована императивным методом. Поэтому в отношениях, возникающих между декларантом и таможенными органами, приоритет отдается административным функциям последних, а не усмотрению декларанта.

Судебная коллегия ВС РФ аргументирует раскрытие норм п. 1 ст. 53 Договора о ЕАЭС следующими законодательными актами: п. 2 ст. 184 Федерального закона «О техническом регулировании» (Федеральный закон № 184-ФЗ, 2002); Постановление Правительства РФ «Об утверждении единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, и единого перечня продукции, подтверждение соответствия которой осуществляется в форме принятия декларации о соответствии» (Постановление

Правительства РФ № 982, 2009); Постановление Правительства РФ «О внесении изменения в единый перечень продукции, подлежащей обязательной сертификации» (Постановление Правительства РФ от № 930, 2015).

Таким образом, ввозимая на территорию Российской Федерации продукция должна соответствовать национальному стандарту – ГОСТ Р 56836-2016, в противном случае это следует считать противоречием императивным нормам права ЕАЭС.

Выводы. Основываясь на результатах проведенного исследования, можно прийти к выводу о том, что особая юридическая природа ЕАЭС как международной организации, обладающей наднациональными органами публичной власти, существенным образом влияет на уровень научной разработки и практической реализации вопросов имплементации норм международного права во внутринациональное законодательство Российской Федерации.

Во-первых, следует констатировать, что нормы ЕАЭС находят свое практическое воплощение в национальном законодательстве РФ путем применения различных форм имплементации, которые для удобства исследования авторами статьи были подразделены на два основных подвида: трансформацию и инкорпорацию.

Во-вторых, установлено, что формы имплементации норм ЕАЭС применяются с разной регулярностью: трансформация норм ЕАЭС применяется не так регулярно, как инкорпорация. В свою очередь инкорпорация применяется в том случае, когда международные нормы порождают конкретные правоотношения, устанавливая общие правила, в рамках которых государства-участники адаптируют обязательства к своим правовым системам.

Ярким примером инкорпорации норм ЕАЭС является разработка типового Таможенного кодекса ЕАЭС (закрепленного в Приложении к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза), который стал общим законом, регулирующим отношения в сфере перемещения товаров, работ и услуг в странах – участницах ЕАЭС.

Также распространенной практикой юридической техники трансформации норм ЕАЭС является прямая отсылка к ним в юридических документах таможенных органов России.

В-третьих, для трансформации норм ЕАЭС чаще всего применяется форма подзаконного нормативного правового акта – актов Правительства РФ или приказов различных министерств и ведомств. Поэтому отождествлять трансформацию с ратификацией (которая в соответствии со ст. 14 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» представляет собой адаптацию норм международного права к законодательству России посредством исключительно формы федерального закона) не совсем корректно.

В-четвертых, существует юридическая неопределенность механизма (рецепции) имплементации норм международного права ЕАЭС.

Элементы механизма специальной рецепции можно наблюдать в Федеральном законе «О международных договорах»: согласие Российской Федерации на обязательность для нее международного договора; подписание международного договора; обмен документами, образующими договор;

ратификация; утверждение; принятие; присоединение. Однако в этом законе есть указание на «иные способы выражения согласия по договоренности сторон», которые делают возможным механизм специальной рецепции даже посредством правовых позиций КС РФ (такие примеры уже имеются в истории развития российского права).

Применение генеральной рецепции тоже представляется не в полной мере проработанным, поскольку заложенная в Конституции РФ модель предоставляет различные подходы к имплементации международных норм в зависимости от меняющейся геополитической и экономической ситуации в России и ее регионах. Таким образом, в каждой конкретной ситуации процедура имплементации может сильно различаться и по форме, и по механизму. В этом процессе на сегодняшний день ключевая роль отводится высшим судам Российской Федерации – КС РФ и ВС РФ.

При этом судебная практика складывается в отдельных случаях путем признания приоритета внутриэкономических интересов Российской Федерации и недопущения временного применения положений международного договора. Например, при определении компетенции международного арбитража по разрешению споров между государством и иностранными инвесторами или вопросов предоставления льгот для бизнеса заявляются о недопустимости ухудшения положения хозяйствующих субъектов России под давлением норм международного права.

Так, несмотря на активное стремление Суда ЕвразЭС унифицировать подходы стран-участниц к предоставлению таможенных льгот, КС РФ признал недопустимым придание обратной силы закону, умаляющему экономические права и свободы российских граждан, игнорирование правомерных ожиданий субъектов соответствующих экономических (инвестиционных, таможенных) правоотношений, поскольку это не отвечает целям обеспечения единства экономического пространства, устойчивого роста деловой активности, поддержки добросовестной конкуренции и взаимовыгодного инвестиционного сотрудничества (ч. 1 ст. 8, ч. 2 ст. 34 Конституции РФ).

В другой ситуации ВС РФ признал необходимость соответствия ввозимой на территорию России продукции национальному стандарту ГОСТ Р 56836-2016, что, по мнению коллегии ВС РФ, обеспечивает реализацию необходимого качества товара, предусмотренную п. 1 ст. 53 Договора о ЕАЭС.

Таким образом, мы наблюдаем вариативность в имплементации норм международного права ЕАЭС, механизм и формы имплементации которых в зависимости от конкретных экономических отношений могут различаться. Думается, что сложившуюся ситуацию можно считать допустимой и оправданной с позиции конституционных норм, которые обеспечивают баланс интересов международного сообщества и внутриэкономического развития России, что соответствует тенденциям конституционной реформы 2020 года (ст. 15, 79, 79¹ Конституции РФ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барциц И.Н. 2001. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. № 2. С. 61-70.

Бублик В.А., Семякин М.Н., Губарева А.В. 2020. Модернизация правового пространства стран Евразийского экономического союза // *Международное публичное и частное право*. № 4. С. 36-39. DOI: 10.18572/1812-3910-2020-4-36-39.

Васякина Е.В. 2020. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: особенности, проблемы, перспективы // *Российская юстиция*. № 11. С. 15-17.

Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 20.03.2021).

Лару Д., Портякова Н. 2021. Сила интеграции: ЕАЭС планирует укрепить позиции на мировой площадке, 29.01.2021. URL: <https://yandex.ru/turbo/iz.ru/s/1114034/dmitrii-laru-natalia-portiakova/sila-integracii-eeas-planiruet-usilit-pozitsii-na-mirovoi-ploshchadke> (дата обращения: 15.02.2021).

Латышев А.С. 2019. Теоретические аспекты юридических механизмов введения в действие международных договоров: трансформация, имплементация, инкорпорация // *Экономика. Право. Общество*. № 2(18). С. 122-129.

Лукашук И.И. 2005. *Международное право. Особенная часть: учебник*. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер. 517 с.

Миличук В.В. 2005. Проблемы и перспективы совершенствования механизмов имплементации международных инструментов в области предупреждения преступности и борьбы с ней // *Государство и право*. № 1. С. 40-52.

Мингазов Л.Х. 1990. *Эффективность норм международного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. Казань. 41 с.

Овсепян Ж.И. 2015. Статус источников международного права в правовой системе России // *Юрист-Правовед*. № 5 (72). С. 74-82.

Тихомиров Ю.А. 2006. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // *Журнал российского права*. № 6. С. 3-15.

Усенко Е.Т. 2008. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // *Российское правосудие*. № 2. С. 11-18.

Черданцев А. Ф. 2000. *Теория государства и права*. Москва : Юрайт. 432 с.
Dictionary of English Language. New York, 1968. P. 667.

Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945). URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 09.03.2021).

Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998. № 20. Ст. 2143.

Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 9 октября 2000 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3402> (дата обращения: 09.03.2021).

Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014). URL: http://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64_1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aa5d6e0d169&EntityID=3610 (дата обращения: 09.03.2021).

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/2fb3fc8739ad9e1942700f0a953628b0/Dogovor_tk_ees.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 01.10.2019 г. № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72702744> (дата обращения: 09.03.2021).

Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 10.07.2020 г. № 57 «Изменения в Правила определения происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС (непреференциальные правила определения происхождения товаров)». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20sr0057/> (дата обращения: 09.03.2021).

Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 02.12.2015 г. № 89 «О внесении изменения в Решение Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 130 в отношении отдельных видов гражданских пассажирских самолетов». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/15sr0089/> (дата обращения: 09.03.2021).

Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 10.04.2020 г. № 6 «О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/events/Pages/22-01-2021-2.aspx> (дата обращения: 09.03.2021).

Решение Суда ЕвразЭС от 01.11.2013 г. «Об отказе в удовлетворении заявления об оспаривании пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза, утв. Решением Комиссии Таможенного союза от 15.11.2011 № 728». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153945/ (дата обращения: 09.03.2021).

Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 07.04.2016 г. по делу № СЕ-1-2/1-16-КС «Об отказе в удовлетворении заявления о признании в части Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.11.2014 № 197 «О классификации кормовой добавки для животных по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза» не соответствующим международным договорам». URL: <http://courteurasian.org/page-24161> (дата обращения: 09.03.2021).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.03.2021).

Федеральный закон от 15 июля 1995 № 101 «О международных договорах Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 21 июля.

Федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ «О присоединении России к Уставу Совета Европы» // Российская газета. 1996. 24 февр.

Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях” в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Российская газета. 1999. 10 февр.

Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 г. № 8-П «По делу о проверке пункта 1 статьи 23 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ “О международных договорах Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова”» // Российская газета. 2012. 13 апреля.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных догово-

рах РФ», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (дата обращения: 20.03.2021).

Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 г. № 1344-О-П «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» // Российская газета. 2009. 27 ноября.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.03.2015 г. № 417-О «По запросу Арбитражного суда Центрального округа о проверке конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogoSuda-rf-ot-03032015-n-417-o-po/> (дата обращения: 20.03.2021).

Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 г. № 2867-О-П «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года “8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400027114/> (дата обращения: 20.03.2021).

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.05.2020 г. № 306-ЭС20-387 по делу А06-2706/2019. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=630885#n7aDmsSatXcXjMqT2> (дата обращения: 20.03.2021).

References

Barzitz I.N. International law and the legal system of Russia, *Journal of Russian Law*, 2001, no. 2, pp. 61-70. (in Russ.).

Bublik V.A., Semyakin M.N., Gubareva A.V. The Modernization of the Legal Environment of the Eurasian Economic Union Member States, *Public International and Private International Law*, 2020, no. 4, pp. 36-39. DOI: 10.18572/1812-3910-2020-4-36-39. (in Russ.).

Cherdantsev A.F. *Teoriya gosudarstvennogo prava*, Moscow, Yurait, 2000, 432 p. (in Russ.).

Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 4.XI.1950), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1998, no. 20, art. 2143. (in Russ.).

Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union), available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/2fb3fc8739ad9e1942700f0a953628b0/Dogovor_tk_ees.pdf (accessed March 20, 2021). (in Russ.).

Decision of the Board of the Court of the Eurasian Economic Union of 07.04.2016 in case No. CE-1-2/1-16-CC “On the refusal to satisfy the application for recognition in part of the Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of 06.11.2014 No. 197 “On the classification of feed additives for animals according to the Unified Commodity Nomenclature

of Foreign Economic Activity of the Customs Union» not conforming to international treaties”, available at: <http://courteurasian.org/page-24161> (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission No. 89 of 02.12.2015 “On Amendments to the Decision of the Customs Union Commission of November 27, 2009 No. 130 in respect of certain types of civil passenger aircraft”, available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/15sr0089/> (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of July 10, 2020 No. 57 “Amendments to the Rules for determining the origin of goods imported into the customs territory of the EAEU (non-preferential rules for determining the origin of goods)”, available at: <https://www.alta.ru/tamdoc/20sr0057/> (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of October 1, 2019 No. 20 on the Concept of the Formation of a Common Financial Market of the Eurasian Economic Union, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72702744/> (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.05.2020 No. 306-ES20-387, available at: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=630885#n7aDmsSAtXcXjMqT2> (accessed March 20, 2021). (in Russ.).

Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 3, 2015 No. 417-O at the request of the Arbitration Court of the Central District to verify the constitutionality of clause 4 of the Procedure for the application of exemption from payment of customs duties when importing certain categories of goods into the unified customs territory of the Customs Union, available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03032015-n-417-o-po/> (accessed March 20, 2021). (in Russ.).

Dictionary of English Language, New York, 1968, pp. 667.

Eurasian Economic Commission: Official website, available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (accessed March 20, 2021). (in Russ.).

Federal Law of February 23, 1996 No. 19-FZ “On Russia’s accession to the Charter of the Council of Europe”, *Rossiyskaya gazeta*, 1996, February 24. (in Russ.).

Federal law of July 15, 1995 № 101 “On international treaties of the Russian Federation”, *Rossiyskaya gazeta*, 1995, July 21. (in Russ.).

Laru D., Portyakova N. *The Power of Integration: The EAEU plans to strengthen its position on the world stage*, 29.01.2021, available at: <https://yandex.ru/turbo/iz.ru/s/1114034/dmitrii-laru-natalia-portiakova/sila-integracii-eaas-planiruet-usilit-pozitsii-na-mirovoi-ploshchadke> (accessed February 15, 2021). (in Russ.).

Latyshev A.S. Theoretical aspects of legal mechanisms for the implementation of international treaties: transformation, implementation, incorporation, *Economy. Law. Society*, 2019, no. 2(18), pp. 122-129. (in Russ.).

Lukashuk I.I. *International law. Special part: tutorial*, 3rd ed., Moscow, Volters Kluwer, 2005, 517 p. (in Russ.).

Milinchuk V.V. Problems and Perspectives of Modernization of Mechanisms of Implementation of International Instruments in the Sphere of Prevention of Criminality and Struggle with It, *State and Law*, 2005, no. 1, pp. 40-52. (in Russ.).

Mingazov L.Kh. *Effectiveness of the norms of international law : abstr. of diss.*, Kazan, 1990, 41 p. (in Russ.).

Order of the Eurasian Intergovernmental Council No. 6 of 10.04.2020 “On measures taken within the framework of the Eurasian Economic Union aimed at ensuring economic stability in the context of the development of the COVID-19 coronavirus pandemic”, available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/events/Pages/22-01-2021-2.aspx> (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

Ovsepyan Zh.I. Status of international law in the legal system of Russia, *Yurist-Pravoved*, 2015, no. 5(72), pp. 74–82. (in Russ.).

The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with the changes approved in a nationwide vote 01.07.2020), available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed March 20, 2021). (in Russ.).

The constitutional Court of the Russian Federation dated 19.11.2009 No. 1344-O-R “On the explanation of paragraph 5 of the operative part of the Decision of the constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999, no 3-N in the case of check of constitutionality of provisions of article 41 and article 42 of the Criminal procedure code of the RSFSR, paragraphs 1 and 2 of the Decree of the Supreme Soviet of the Russian Federation of July 16, 1993 «On the procedure for the enforcement of the Law Russian Federation «About modification and additions in the Law of the RSFSR «On the judicial system of the Russian Federation», the code of Criminal procedure of the RSFSR, The Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses»”, *Rossiyskaya gazeta*, 2009, November 27. (in Russ.).

The constitutional Court of the Russian Federation from 24.12.2020 No. 2867-O-R “On the explanation of decisions of the constitutional Court of the Russian Federation dated March 27, 2012 «8-P in the case about the verification of constitutionality of paragraph 1 of article 23 of the Federal law «On international treaties of the Russian Federation»”, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400027114/> (accessed March 20, 2021). (in Russ.).

The constitutional Court on March 27, 2012, No. 8-P “On the case about the verification of paragraph 1 of article 23 of the Federal law of July 15, 1995, No. 101-FZ «On international treaties of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.D. Ushakov»”, *Rossiyskaya gazeta*, 2012, April 13. (in Russ.).

The decision of the constitutional Court of the Russian Federation from 02.02.1999 № 3-P “On the case about the verification of constitutionality of the provisions of article 41 and article 42 of the criminal procedure code of the RSFSR, paragraphs 1 and 2 of the Decree of the Supreme Soviet of the Russian Federation of July 16, 1993 «On the procedure for the enforcement of the Law Russian Federation «About modification and additions in the Law of the RSFSR «On the judicial system of the Russian Federation», the Criminal procedure code of the Russian Federation, RSFSR criminal code and the Code of the RSFSR on administrative offences» in connection with the request of the Moscow city court and complaints of a number of citizens”, *Rossiyskaya gazeta*, 1999, February 10. (in Russ.).

The decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 14.07.2015 No. 21-P “On the case about the verification of constitutionality of the provisions of article 1 of the Federal law «On ratification of the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms and the Protocols thereto», paragraphs 1 and 2 of article 32 of the Federal law «On international treaties of the Russian Federation», the first and fourth parts of article 11, paragraph 4 of the fourth paragraph of article 392 of the Civil procedure code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 13, paragraph 4 of part 3 of article 311 of the commercial procedure code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 15, Paragraph 4 of Part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of Part four of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (accessed March 20, 2021). (in Russ.).

The decision of the EurAsEC Court of November 1, 2013 “On refusal to satisfy the application for challenging clause 4 of the Procedure for the application of exemption from payment of customs duties when importing certain categories of goods into the single customs territory of the Customs Union, approved by the decision of the Commission of the Customs

Union of November 15, 2011 No. 728", available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153945/ (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

The Eurasian Economic Community of 09.10.2000, available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3402> (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

Tikhomirov Yu.A. Comparative jurisprudence: development of concepts and public practice, *Journal of Russian Law*, 2006, no. 6, pp. 3-15. (in Russ.).

Treaty on the Eurasian Economic Union (Astana, 29.05.2014), available at: <http://docs.eaeunion.org/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc641995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

United Nations Charter (adopted in San Francisco on 26.06.1945), available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed March 09, 2021). (in Russ.).

Usenko E.T. Correlation and interaction of international and national law and the Russian Constitution, *Rossiyskoe pravosudie*, 2008, no. 2, pp. 11-18. (in Russ.).

Vasyakina E.V. 2020. Integration processes in the Eurasian Economic Union: Features, Problems, Prospects, *Russian Justice*, 2020, no. 11, pp. 15-17. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анатолий Тиханович Карасев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия;
AuthorID: 506939;
E-mail: a.t.karasev@mail.ru

Anatoly T. Karasev

Doctor of law, Professor, Professor of constitutional law Department, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia;
AuthorID: 506939;
E-mail: a.t.karasev@mail.ru

Олег Александрович Кожевников

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия;
AuthorID: 346061;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1371-7249>;
SPIN-код: 1494-4895;
E-mail: Jktu1976@yandex.ru

Oleg A. Kozhevnikov

Doctor of law, associate Professor, Professor of constitutional law Department, Ural State Law University, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia;
AuthorID: 346061;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1371-7249>;
SPIN-код: 1494-4895;
E-mail: Jktu1976@yandex.ru

Вероника Александровна Мещерягина

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия;
SPIN-код: 5642-0620;
AuthorID: 805391;
E-mail: metssheryagina@yandex.ru

Veronica A. Misuragina

Candidate of law, associate Professor senior lecturer, Department of public law, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia;
SPIN-код: 5642-0620;
AuthorID: 805391;
E-mail: metssheryagina@yandex.ru